

Комплектование Института красной профессуры, 1920-е годы

В начале 1920-х годов в Москве, там где сейчас кинотеатр "Россия" и прилегающий к нему скверик с фонтанами и памятником Пушкину, располагался женский Страстной монастырь. Революция вошла и в эту тихую обитель, монашек потеснила революционная молодежь – новое, советское студенчество. Монастырь стал первым пристанищем Института красной профессуры (далее ИКП) – одного из крупнейших партийных учебных заведений того времени. Это перевоплощение символизировало кардинальные перемены в отечественной науке, образовании, культуре, а также своего рода эксперимент в формировании генерации интеллектуалов, в силу своего классового и партийного происхождения предуготовленных к пониманию “подлинно научных закономерностей развития природы и общества”.

В 1923 году Н.И.Бухарин заметил, что каждая новая эпоха создает свой культурный стиль. В первые десятилетия после революции 1917 года интеллектуальные и политические законодатели новой власти приступили к культурным преобразованиям на основе коммунистической идеологии, которая определила стиль нарождавшейся эпохи. Для общественных наук это означало замену мировоззренческо-методологических установок (скажем, научной парадигмы), преобладавших в дореволюционное время, марксизмом, реинтерпретированным в контексте борьбы за власть сначала в рамках подпольных радикальных движений (не обязательно марксистских), а затем, после манифеста 1905 года, в сфере публичной политики. Вероятно, ключ к пониманию сложившейся в 1920-е годы организации знания (в комплексе ее можно назвать советской версией марксизма) содержится в убеждении, что знание может быть сферой контроля и перераспределения в той же мере, что и собственность. Следовательно, тема транспонируется в область социологии знания: содержание и формы знания становятся эпифеноменами социальной позиции мыслителя и в центре внимания оказывается вопрос о том, *кто* знает. Иначе говоря, кто может быть “производителем” истины? Было бы упрощением связывать такую постановку вопроса с “шулятиковщиной”, “махаевщиной”, возникшей позднее “енчмениадой” и другими радикально-одиозными, часто хулиганскими, заявлениями. Культурно-историческая, социальная и идеологическая определенность знания была сопряжена в либеральном интеллигентском разуме с resentmentом — обнаружением горизонтальной равноправности мировоззрений и форм знания, оправданием каждого из них как обладающего самостоятельным духовным смыслом и, соответственно, отказом от онтологической иерархии ценностей, прежде всего прерогативы знающего на “царственное плетение”. Типична мысль, высказанная в 1922 году Б.В.Яковенко: самый бесшабашный и разнузданный разбойник, красноармеец или белогвардеец, самый извращенный и бесчувственный преступник, палач или чекист живут при всей узости, убогости или чудовищности своего духовного горизонта все же осуществлением и изживанием определенного мирозерцания” [30]. Как ни парадоксально, сформированная предреволюционными десятилетиями культурно-эпистемическая “горизонталь” resentmentа и отказ от иерархии стали основой специфической формы социального знания, воспроизводившегося рвущейся вверх новой генерацией интеллектуалов, органически интегрированных в систему тоталитарного контроля и признаваемых ею своими даже тогда, когда они становились жертвами. Это были красные профессора.

Процессуально подготовка интеллектуальной элиты связывалась с “пролетаризацией” и “большевизацией” профессорско-преподавательского состава, созданием научно-учебных заведений нового типа; полным пересмотром учебных планов, программ, научно-образовательной литературы; внедрением новых методов обучения и научного творчества на началах плановости, коллективизма и т.д. В результате

намечались создание и легитимация общественности как социального института, основанного на вполне определенной идеологической доктрине и соответствующих стратификационных схемах, главной из которых было различие “пролетариата” и “буржуазии”.

Прежде всего встал вопрос о количественном перевесе “пролетарских” научных сил над “буржуазными”. Планировалось подготовить поколение новой рабоче-крестьянской научной интеллигенции, чей постоянный приток гарантировал бы высшее и образование и науку от “буржуазного перерождения” и обеспечивал приоритет советской власти в сфере интеллектуальной деятельности. Практически это означало установку на игнорирование различий между образованным и необразованным, знающим и незнающим, квалифицированным и неквалифицированным, хотя декларировалась необходимость “массового подтягивания” рабочих и крестьян до духовного уровня интеллигенции. Таким образом, задача создания системы марксистского обществоведения на первых порах в значительной мере свелась к реформированию кадрового состава образования и науки.

Центром преобразований стала высшая школа. Вначале предполагалось создать лишь небольшую прослойку партийных интеллектуалов и от нее получить новую генерацию советских преподавателей и ученых – носителей марксистского научного сознания. Для этого отводились крайне сжатые сроки. Н.И.Бухарин, являясь одним из главных разработчиков и поборников такой политики, сетовал, что нельзя всех сразу превратить в профессоров и инженеров. Имея в виду стратегию этого дела, он писал: “Приходится идти таким путем: сперва вырабатывать кадр, к нему подтягивать остальных и т.д. Нужно создать под генералами марксистской идеологии и коммунистической практики офицерский состав, затем унтер-офицерский, промежуточный и т.д., пока вся масса не будет переработана” [5, с.34-35]. Бухарин считал, что скорейшая подготовка “генералитета”, т. е. профессорского состава, который, по его мнению, мог бы явиться источником обновления, – гораздо важнее, чем всеобщее обучение грамотности. В общественных науках результатом этой стратегии должна была стать полная реорганизация профессионального сообщества.

Кампания по реформированию вузовской системы была развернута партийно-государственными органами сразу же после большевистского переворота. Созданию ИКП предшествовал целый ряд специальных указов и постановлений, цель которых преимущественно сводилась к тому, чтобы усилить приток в вузы рабоче-крестьянской молодежи и ограничить численность выходцев из “буржуазных” слоев. 2 августа 1918 года издан декрет В.И.Ленина, ликвидировавший привилегию буржуазно-дворянского сословия на высшее образование. Теперь каждый гражданин страны, достигший 16 лет, мог поступить в вуз, причем для этого не требовалось ни дипломов, ни экзаменов. Введение последних стало возможным лишь после многолетней подготовительной работы, которая проводилась в системе рабочих факультетов. Первые рабфаки открылись в 1919 году. Они стали вынужденной и чрезвычайной мерой Советского правительства, которая должна была обеспечить приток в вузы неподготовленной, порой неграмотной, рабоче-крестьянской молодежи. По образному выражению А.В.Луначарского, рабфаки явились своего рода “пожарными лестницами”, приставленными к окнам высших учебных заведений, чтобы по ним могли подниматься выходцы из рабочей и крестьянской среды.

Следующей важной акцией стал декрет от 1 октября 1918 года “О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений Российской республики”. Он в первую очередь был направлен на обновление кадрового состава высшей школы или, как того требовала программа партии, устранение “всех и всяческих искусственных преград между свежими научными силами и кафедрой”. С его помощью предполагалось сократить численность преподавателей, работавших в дореволюционное время, и увеличить приток новых, воспитанных в духе марксистской идеологии. Отменялась существовавшая ранее система разделения преподавательского

состава вузов на доцентов и профессоров (заслуженных, ординарных, экстраординарных, адъюнкт-профессоров). Теперь звание профессора могли получить преподаватели, самостоятельно работавшие в вузах. Кандидаты на замещение профессорских должностей избирались на основании всероссийского конкурса. Процедура обновления кадрового состава предусматривала следующее: преподаватели, у которых на 10 октября 1918 года истек десятилетний срок работы в данном учреждении или пятнадцатилетний в системе вузовского образования, с 1 января 1919 года автоматически выбывали с места работы, где могли восстановиться лишь на основании всесоюзного конкурса. Таким образом, жесткой оценке подлежал опыт работы именно тех преподавателей, которые начали ее задолго до установления советской власти.

Первый такой конкурс не принес желаемых результатов: практически все вакантные должности профессоров были замещены старыми кадрами, продемонстрировавшими высокий уровень компетенции. Стало очевидным, что для обновления преподавательского состава высшей школы требуются специальные усилия и что часть их должна направляться на формирование нового поколения профессоров и преподавателей.

До времени кафедры ИКП делили между собой "белые" и "красные" профессора (студенты или вчерашние выпускники этого вуза), причем преобладали последние. Пока не было плана кадровой реорганизации, власти разрабатывали систему контроля над профессорско-преподавательским составом, специальные селективные меры. В сентябре 1921 года СНК РСФСР утвердил "Положение о высших учебных заведениях", согласно которому научно-преподавательские кадры делились на три категории: профессора (вели самостоятельные курсы, утверждались Государственным ученым советом Наркомпроса на основании всероссийского конкурса); преподаватели (вели вспомогательные курсы под руководством профессоров) и научные сотрудники. Две последние категории утверждались правлением высших учебных заведений. Штатные профессора переизбирались через десять лет работы, преподаватели – через семь, сверхштатные профессора и преподаватели – через пять лет. Научные сотрудники утверждались на три года и могли быть переизбраны в особых случаях и сроком только на один год. Планировалась регулярная проверка на благонадежность.

С 31 декабря 1920 по 4 января 1921 года проходило партийное совещание, специально посвященное проблемам образования. Основная линия ВКП(б) в этой сфере деятельности была определена как "политическое завоевание высшей школы". В комплекс задач включалось следующее: придать вузам революционно-марксистскую направленность, наладить политическое воспитание молодежи, назначать ректорами красных вузов партийных работников, мобилизовать теоретические силы партии для преподавания общественных наук в вузах, откомандировывать в высшую школу партийную молодежь. Совещание приняло резолюцию "О реформе высшей школы" [11, с.96], закрепившую принцип "общественно-планового" комплектования научно-преподавательского состава из числа партийной молодежи, "хотя бы и не получившей законченного университетского образования", как предлагал в своем докладе М.Н.Покровский.

Преподаванию общественных наук совещание уделило особое внимание. В частности, его резолюция "О подготовке преподавательского состава высших школ по обществоведению" включала следующие пункты: (1) изъять из ведения буржуазной профессуры общественные дисциплины, формирующие идеологию студентов; (2) немедленно приступить к организации ускоренных курсов "красной профессуры" из партийной молодежи; (3) мобилизовать всех теоретических работников партии для преподавания общественных наук [11, с. 99].

С этой резолюции началась предыстория Института красной профессуры. Однако реорганизация вузовских общественных наук (в кадровом отношении) не ограничивалась одним этим документом. Зимой – с конца 1920 по 11 февраля 1921 года – работала так

называемая "комиссия Ротштейна", созданная специально для экстренного преобразования общественных наук в высшей школе. Выработке адекватной кадровой стратегии в ее работе отводилось одно из центральных мест.

Характеризуя основную ориентацию "комиссии Ротштейна", М.Н.Покровский писал: для комиссии было совершенно очевидно – пока на местах остается старый преподавательский состав с полной возможностью для него "плодиться и размножаться", не может быть и речи не то что о "коренном", а о каком бы то ни было преобразовании в сфере преподавания общественных наук [27]. Хотя у идеи привлечения буржуазных специалистов на службу советской науке и образованию были влиятельные сторонники, в первую очередь В.И.Ленин, "комиссия Ротштейна" не сочла возможным решать проблему преподавания общественных дисциплин именно таким образом и делать ставку на буржуазных специалистов. Однако деятельность беспартийных профессоров, сумевших доказать свою лояльность марксистской доктрине, допускалась и даже приветствовалась. Более плодотворными комиссии представлялись два пути. Первый – концентрация на преподавательской работе всех тех партийных сил, которые пригодны для университетского преподавания. Сюда включались профессора-коммунисты; опытные партийные и номенклатурные работники, не имеющие прямого отношения к науке, но зарекомендовавшие себя как практические марксистские идеологи. Второй путь – подготовка коммунистической молодежи. Предполагалось, что сначала специально обученная и благонадежная (но не обладающая достаточным опытом) молодежь сможет стать помощницей имеющегося профессорско-преподавательского состава, а затем и полностью заменить его в деле преподавания общественных наук.

В основу резолюции, принятой на зимнем партийном совещании 1920-1921 годов, была положена стратегия, выработанная "комиссией Ротштейна". Но поскольку в ней не уделялось достаточного внимания привлечению к работе "старых специалистов", план коренной реорганизации народного образования оказался завершенным после публикации двух ленинских документов, которые определили основные принципы использования старых специалистов, – "Директив ЦК РКП коммунистам – работникам Наркомпроса" и статьи "О работе Наркомпроса". Понимая, что новую науку и образование невозможно построить на пустом месте, В.И. Ленин, в частности, настоятельно предлагал использовать в общественных науках и образовании работу "спецов", подвергая ее следующей регламентации: "Во-1-х, спецы некоммунисты должны работать под контролем коммунистов. Во-2-х, содержание обучения, поскольку речь идет об общеобразовательных предметах, в особенности же о философии, общественных науках и коммунистическом воспитании, должно определяться только коммунистами" [12]. Таким образом, круг опять замкнулся, а качество обучения не повысилось: контроль за работой буржуазных "спецов", как правило, выпадал на долю членов парторганизаций, слабо ориентированных в вузовском курсе обществоведения.

В начале 1921 года был завершен план реорганизации высшей школы, включивший в качестве особого направления преподавание общественных наук. Его основные пункты: (1) мобилизовать для чтения курсов общественных наук "все теоретические силы партии"; (2) в короткие сроки подготовить кадры молодых партийных преподавателей из рабоче-крестьянской среды, для чего немедленно приступить к организации ускоренных курсов "красной профессуры"; (3) привлечь буржуазных "спецов", организовав систему коммунистического контроля за их работой.

Как реализовывалась эта кадровая программа? План привлечения к преподавательской деятельности партийных работников с самого начала не оправдал себя. Среди них было крайне мало людей, которые обладали бы необходимым теоретическим уровнем, способностью читать лекции и вести семинары, а кроме того, имели бы достаточно времени, свободного от практической партийной работы. На деле, как свидетельствует М.Н.Покровский, из-за большой занятости, а то и из-за непривычности порученного дела партийных преподавателей нельзя было найти на кафедрах "днем с

огнем". Те, кто блестяще выступал на митингах, в аудитории терялись. К тому же отряд партийцев, способных читать лекции, был слишком малочисленным. Видные теоретики партии, хотя и были людьми по-своему образованными и находили время для преподавательской деятельности, не могли полностью удовлетворить потребности высшей школы.

Вопрос о привлечении буржуазных "спецов" также оказался нелегким. Во-первых, многие обществоведы дореволюционной формации не захотели отказаться от прежних воззрений и принять марксистскую доктрину. Тем, кто все же пошел на подобные уступки режиму (по убеждению или под давлением обстоятельств) было достаточно трудно овладеть новым теоретико-методологическим подходом. К тому же, не было соответствующих учебных планов, программ, учебников и пособий по общественным наукам. В-третьих, значительная часть дореволюционной профессуры выразила явное неприятие, пассивную оппозиционность или откровенную враждебность по отношению к новой власти и новой науке. Вероятно, акция по высылке профессоров и преподавателей за границу в 1922 году была не просто репрессией, а частью перестройки науки и высшей школы в России. Это создало ситуацию, при которой возможность старой профессуры внести сколь-нибудь заметную лепту в становление марксистского общественнознания свелась к минимуму.

Третье направление реформы высшего образования – формирование рабоче-крестьянской интеллигенции. Именно оно оказалось наиболее перспективным, хотя растянулось на долгие годы и осуществлялось с переменным успехом. Рабоче-крестьянская молодежь без особого энтузиазма откликнулась на призыв получить высшее образование. Несмотря на единогласные резолюции, в первые годы советской власти в вузы поступали преимущественно "интеллигенты". Чтобы исправить положение, были введены специальные меры по "орабочиванию" и "большевизации" студенческого состава, а именно – командирование (фактически принудительное, по разрядке) рабоче-крестьянской молодежи на учебу командованием Красной Армии, партийными и комсомольскими организациями. М.Н.Покровский уже после годичного опыта работы Института красной профессуры делал оптимистические прогнозы, в которых хорошо определена генеральная линия реформ: "...в деле подготовки будущих преподавателей общественных наук в наших университетах мы можем опираться исключительно на партийные силы, принимая беспартийных лишь в виде особой привилегии, если они обнаруживают исключительную лекторскую или научную даровитость. И есть все основания ожидать, что в ближайшем будущем состав красной профессуры будет близок к составу самой партии, т.е. что рабочие в этом составе будут решительно преобладать" [27, с.6-7].

Таким образом, в начале 1920-х годов органы советской власти вполне подготовили организационную почву для перестройки системы обучения общественным наукам. Об идее создания Института красной профессуры Покровский вспоминал следующее: поскольку мысль о немедленной "переквалификации" преподавательского состава казалась "страшно смелой и новой", несколько коммунистов-профессоров "выдвинули "встречный промфинплан": подготовить смену старой буржуазной профессуре по общественным наукам из молодежи, преимущественно нашей, партийной. Так, в кабинете Ленина родилась идея создания специального института по подготовке красных профессоров" [26]. Ленин подписал декрет Совета народных комиссаров от 11 февраля 1921 года "Об учреждении Институтов по подготовке Красной Профессуры". В нем записано: "Учредить в Москве и Петрограде Институты по подготовке Красной Профессуры для преподавания в высших школах Республики теоретической экономики, исторического материализма, развития общественных форм, новейшей истории и советского строительства" [25].

Всего за несколько месяцев решение было выполнено. ИКП открылся 3 октября 1921 года. Постепенно он вышел за рамки первоначально поставленной цели – широкое

распространение марксистского мировоззрения и марксистской идеологии – и сформировался как высшее учебное заведение, готовившее специалистов-идеологов, предназначенных для работы во всех областях общественной жизни. При этом постоянное воспроизводство преподавательских сил для вузов социального профиля осталось одним из приоритетных направлений.

С самого начала институт принял партийно-демократический стиль работы. По свидетельству его первого ректора М.Н.Покровского, в создании ИКП активное участие принимали будущие студенты. Они присмотрели здание Страстного монастыря, сделали ремонт и устроили общежитие. Первые семинарские занятия проходили здесь же и в библиотеке Социалистической академии в Мало-Знаменском переулке (ныне улица Маркса-Энгельса).

Первый набор студентов ИКП проводился при поддержке политического управления Красной Армии, направлявшего на учебу молодых солдат, демобилизованных после гражданской войны. Эта вынужденная мера объяснялась тем, что рабочие и крестьяне не откликнулись на призыв получить высшее образование. В течение первых двух-трех лет в ИКП, как и других вузах, допускался прием представителей интеллигенции. Таким образом, в первые студенческие наборы попали демобилизованные из армии партийцы, призванные на учебу в порядке воинской и партийной дисциплины, дореволюционные студенты старших курсов, стремившиеся завершить образование, а также энтузиасты-самоучки из разных социальных слоев. Впоследствии состав слушателей ИКП начал формироваться вполне целенаправленно. С самого начала проводилась линия на то, чтобы в состав выпускников ИКП входили преимущественно рабочие и крестьяне, являющиеся членами партии, причем предполагалось постепенно наращивать их численность. На деле это оказалось труднодостижимым, поскольку рабоче-крестьянская молодежь, как правило, была малообразованна или вовсе неграмотна.

Однако дилемма – более подготовленные абитуриенты, но из “буржуазных” слоев, или менее подготовленные, но из рабочих и крестьян, – не возникла. Институтская администрация в своей кадровой политике руководствовалась вторым принципом. Объявили преимущественный набор рабоче-крестьянской молодежи. Количество поданных документов было впечатляющим, поскольку партийные, комсомольские и военные организации дисциплинированно выполняли разнарядки в “красные профессора”. Однако высокая доля приема рабочих и крестьян оказалась фикцией. Ко времени первого выпуска в 1924 году стало ясно, что число поступивших в институт и окончивших его резко отличаются. При этом большинство выпускников составили выходцы из непролетарских слоев.

Количество слушателей, поступивших в ИКП с 1921 по 1930 годы, составило более 3,5 тысяч человек, а число полностью завершивших обучение – 335 человек (табл. 1) [8, с. 86-87; 9, ед. хр. 135, л. 12-13]. Таким образом, отсеб составил около 90%.

Таблица 1

• • **Динамика численности слушателей и выпускников ИКП, чел.**

Годы	Численность слушателей	Численность выпускников
1921	105	
1922	151	
1923	153	
1924	179	51

1925	217	53
1926	294	39
1927	384	23
1928	483	29
1929	546*	42
1930	1076*	99
Итого:	3588	335

* Плановая численность слушателей

Наиболее благополучными были показатели партийности: в указанный период не были членами партии в среднем лишь 2% выпускников. Иначе обстояло дело с социальным составом учащихся ИКП. В первые три года среди студентов шел некоторый спад численности рабочих и рост численности служащих (табл. 2). Позже тенденция изменилась, хотя приоритет все равно оставался за студентами-рабочими.

Таблица 2

• • **Динамика численности рабочих и служащих среди студентов ИКП, %**

Годы	Рабочие	Служащие
1921	6,67	89,5
1922	8,0	87,4
1923	6,1	90,8
1924	21,0	71,0
1925	30,9	58,5
1926	30,61	59,86
1927	32,8	53,1
1928	39,75	55,38

Данные по социальному составу выпускников в те же годы следующие: 7,2% рабочих, 2,8% крестьян и 90% служащих. К 1929 году, как отмечалось, всего выпущено 236 человек; из них лишь 19 – рабочие, хотя среди слушателей их было 43,6% (против 6,67% в 1921 году).

Таким образом, вновь созданное образовательное учреждение обнаружило поразительную инерционность и программа комплектования корпуса “красных профессоров” из рабочих не осуществилась. Численность выпускников ИКП, являющаяся главным кадровым показателем, в рассматриваемый период значительно ниже, чем предусмотрено планами, а их социальный состав – далек от требуемого. Особенностью метода “орабочивания” студентов, фактически определявшего кадровую политику, были искусственность и волюнтаризм. Кадровая политика не сочеталась с отбором молодежи,

способной к получению высшего образования. Использовались средства двоякого рода: массовая предварительная подготовка будущих слушателей, снижение требований к поступлению и переводу с курса на курс. Так, в 1924 году принято решение о создании подготовительного отделения ИКП, которое вскоре стало промежуточным звеном между пролетарской молодежью и ИКП. Хотя теперь состав слушателей пополнялся из трех источников – с рабфаков, коммунистических вузов и подготовительного отделения, – преимущество отдавалось последнему, поскольку именно оно давало возможность увеличивать приток рабочей молодежи. В протоколе заседания учебной коллегии в 1929 году отмечено, что “основной задачей подготовительного отделения является улучшение социального состава ИКП” [9, ед.хр. 336, л. 109]. Предписывалось принимать в институт “только рабочих”; брать непосредственно с производства “достаточно развитых и подготовленных через систему партийного просвещения”. Но таких нашлось мало. Бюрократическая машина продолжала воспроизводить нереальные требования. Тогда при ИКП открылась еще одна промежуточная ступень, помогавшая будущему студенчеству поступить на подготовительное отделение — краткосрочные курсы, предназначенные для “натаскивания” планового контингента – представителей “глухих деревень” и “отсталых нацменьшинств”, как писал Покровский.

Эти и другие способы “смягчения” требований в сочетании с последовательным стремлением сделать состав слушателей пролетарским особенно сказались после 1924 года (табл. 2). В результате активной деятельности подготовительного отделения уже через год заметно усилился приток рабочих и на основные отделения. Правда, их удельный вес здесь был значительно меньше (табл. 3).

Таблица 3

• • Рост численности рабочих на основных отделениях ИКП, %.

Годы	Численность рабочих
1925	9,8
1926	19,16
1927	20,8
1928	29,45

Несмотря на помощь, оказывавшуюся рабочей молодежи, ее представители чаще всего попадали в число исключенных из состава слушателей с переводом на практическую партийную работу. Основной причиной отсевов была неуспеваемость, неспособность к академической работе и т.п., хотя весьма сильным отрицательным фактором были тяжелые бытовые условия, голод и, как следствие, – физические перегрузки и болезни. Бывали случаи, когда причиной исключений было партийное несоответствие (например, в 1922 году в результате партийной чистки контингент учащихся сократился на 13-15%), но это была не основная причина потерь.

Вплоть до начала 30-х годов “орабочивания” слушателей и тем более выпускников фактически не произошло: подавляющее большинство тех и других составляли служащие. Однако политика в области высшей школы продолжала ориентироваться на классовый подход в формировании контингента. В 1929-1930 году был утвержден так называемый пятилетний план развертывания ИКП, суть которого сводилась к попытке в несколько раз увеличить количество выпускников (с сохранением принципов “пролетаризации” и “большевизации”). В докладной записке по этому вопросу указано, что высокий темп роста ИКП возможен лишь при сочетании метода командирования партийными комитетами слушателей на подготовительное отделение с методом « активного подбора

“сверху”», т. е. через ЦК ВКП(б) [9, ед. хр. 135, л. 33]. Для осуществления этой кадровой задачи ИКП в 1930-1931 году разделился на несколько самостоятельных институтов.

Форсированная “пролетаризация” ИКП не достигла своих целей. Результатом же больших потерь и естественного (а не навязываемого искусственного) социально-культурного отбора стало то, что в число выпускников института вошли наиболее способные к интеллектуальной деятельности.

* * *

Какова роль Института красной профессуры в формировании профессионального сообщества советских обществоведов? ИКП был одним из первых партийных вузов, целью которого была подготовка советских обществоведов – научных работников и преподавателей, а также идеологов и пропагандистов партии, государственных и хозяйственных руководителей. Наряду с ИКП в стране действовали и другие высшие учебные заведения партийного типа (Коммунистическая академия, РАНИОН, комвузы и т.д.). Однако в 1930-ом году 79,8% сотрудников научных организаций были аспирантами и слушателями ИКП (только 5,3% работали в должности научных сотрудников). 8,7% общего количества научных работников окончили Институт красной профессуры [20, с.18, 24]. ИКП принадлежит приоритет в создании руководящего эшелона советского обществоведения, представители которого влияли на политику науки вплоть до 1960-х годов.

Основное значение ИКП заключается в том, что здесь началось формирование профессиональных норм и ценностей обществоведов советского типа. Институт стал своего рода лабораторией, в которой отрабатывались формы производства обществоведческого знания, в том числе критика научного и идеологического инакомыслия. Именно в ИКП развертывались идеологические кампании против троцкистов, “меньшевистствующих идеалистов”, школы Бухарина и т.д. В ИКП сформировалась тематика диалектического и исторического материализма, определилась структура лекционных курсов, учебников и вузовских программ.

ИКП, студенческий и преподавательский составы которого в значительной степени совпадали, представлял собой достаточно замкнутую в кадровом отношении систему. Несомненно, институт полностью подчинялся ЦК ВКП(б), но в то же время он культивировал и воспроизводил нормы, характерные для автономного интеллектуального сообщества. С 1921 по 1928 годы в институте преподавали 46 человек. 24 из них в разные годы окончили ИКП, а многие начали преподавать еще в студенческие годы, поскольку не хватало более квалифицированных преподавателей – членов партии. 75% профессорско-преподавательского состава было моложе 45 лет.

Нормы и ценности, сформированные “красными профессорами”, давали о себе знать независимо от смены волей и политических курсов — до тех пор, пока поколение советских обществоведов продолжало жить и работать.

Литература

1. *Берхин И.Б.* К истории разработки Конституции СССР 1936 г. // Строительство Советского государства. М., 1972.
2. *Бейлин А.* Кадры специалистов в СССР. Их формирование и рост. М., 1935.
3. *Борилин Б.* Вступление в период социализма и завершение построения фундамента социалистической экономики. М.-Л.: 1931.
4. *Бужаев К.* Вторая пятилетка – план завершения построения бесклассового социалистического общества // Проблемы экономики. 1932. №2-3.
5. *Бухарин Н.И.* Борьба за новых людей. Роль кадров в переходный период (из доклада в Ленинграде 5 февраля 1923 г.) // Бухарин Н. Борьба за кадры. М.-Л.: Молодая гвардия, 1926.

6. *Бухарин Н.* О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем (Ответ академику И.Павлову). Л.: Госиздат, 1924.
7. *Вольфсон С.Я.* Интеллигенция как социально-экономическая категория. М.-Л.: Госиздат, 1926.
8. Докладная записка ректора ИКП М.Н.Покровского в Секретариат ЦК ВКП(б) об итогах работы института за 1921-1928 гг.: К истории Института красной профессуры // Исторический архив. 1958. №6.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.5284, оп.1.
10. *Гредескул Н.А.* Россия прежде и теперь. М.-Л.: Госиздат, 1926.
11. Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. М.-Л.: Госиздат, 1929.
12. Директивы ЦК РКП коммунистам – работникам Наркомпроса // Правда. 1921. 5 февраля.
13. *Иванова Л.В.* У истоков советской исторической науки. (Подготовка кадров историков-марксистов в 1917-1929 г.). М.: Мысль, 1968.
14. Изменения социальной структуры советского общества. Октябрь 1917-1920 / Редкол.: В.М.Селунская (отв. ред.) и др. М.: Мысль, 1976.
15. Изменения социальной структуры советского общества. Октябрь 1921- середина 30-х годов / Редкол.: В.М.Селунская (отв. ред.) и др. М.: Мысль, 1979.
16. *Клемешев А.П.* Из истории теоретической деятельности КПСС по разработке вопросов классовой структуры советского общества в конце 20-30-х годов // Вестник Ленинградского университета. Серия: история, язык, литература. Выпуск 2. 1982. №8.
17. *Козлова Л.А.* Институт красной профессуры (1921-1938 годы): Историографический очерк // Социологический журнал. 1994. №1.
18. *Кровицкий Г., Ревский Б.* Научные кадры ВКП(б). М.: Изд-во Коммунистической академии, 1930.
19. *Луначарский А.В.* Интеллигенция в ее прошлом, настоящем и будущем. М.: Новая Москва, 1924.
20. *Луначарский А.В.* Об интеллигенции (Сборник статей). М.: Красная новь, 1923.
21. Об учреждении институтов по подготовке красной профессуры: Декрет Совета Народных Комиссаров от 11 февраля 1921 г. // Известия ВЦИК. 1921. 16 февраля.
22. *Покровский М.Н.* Десятилетие Института красной профессуры // Правда. 1931. 11 декабря.
23. *Покровский М.Н.* Институт красной профессуры (к первой годовщине) // Труды Института красной профессуры. Работы семинариев философского, экономического и исторического за 1921-1922 гг. М.-Пг.: Госиздат, 1923.
24. *Селунская В.М.* Социальная структура советского общества. История и современность. М.: Изд-во политич. лит-ры, 1987.
25. *Синецкий А.Я.* Профессорско-преподавательские кадры высшей школы СССР. М.: Советская наука, 1950.
26. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства. № 19. М.: Изд-во Народного комиссариата юстиции, 1921.
27. Советская интеллигенция: История формирования и роста. 1917-1965 / Редкол.: Ворожейкин И.Е., Ким М.П. (гл. ред.), Наумов В.П. М.: Мысль, 1968.
28. *Соловей В.Д.* Институт красной профессуры: подготовка кадров историков партии в 20-30-е годы // Вопросы истории КПСС. 1990. № 12.
29. *Устинов Г.* Интеллигенция и октябрьский переворот. М.: Изд-во ВЦИК, 1918.
30. *Яковенко Б.В.* Мощь философии // Логос: Международный ежегодник по философии культуры. Кн. 1. Прага, 1925. С. 19-40.